

Потапова Е.В. (Екатеринбург УрФУ)

*Грузия и Кавказ в поэтическом сознании Пушкина
(«На холмах Грузии...» и «Не пой, красавица, при мне...»)*

Аннотация. В статье ставится задача проследить эволюцию восприятия географических локусов Грузии и Кавказа в поэтическом сознании А. С. Пушкина. Прослеживается принцип последовательной филиации мотива «светлой печали» на материале стихотворений «Не пой, красавица, при мне...» и «На холмах Грузии лежит ночная мгла» (с привлечением как основных, так и первоначальных редакций текстов). Кроме того, «На холмах Грузии...» рассмотрено в рамках «кавказского» цикла «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)», взятого также в обеих его редакциях. Выдвинута мотивировка, почему с течением времени Пушкин отказывается от Кавказа при изображении светлого платонического чувства любви, проецируя его всецело на Грузию.

Ключевые слова: образ Грузии; образ Кавказа; русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; поэтическое сознание; поэтические образы; географический дискурс.

Potapova E.V. (Ekaterinburg, URFU)

*Georgia and the Caucasus in the poetic consciousness
of Pushkin (“On hills of Georgia lies covering of night...”
and “Do not sing, beauty, in front of me ...”)*

Abstract. The aim of the article is to trace the evolution of perception of geographical territories of Georgia and the Caucasus in poetical refraction of the poet Alexander Pushkin. The principle of consistent filiation of tune “Light sadness” can be traced on the basis of the poem “Do not sing, beauty, in front of me...”, and the “On hills of Georgia lies covering of night...”, (involving both the main and the original versions). Besides the fact, “On hills of Georgia lies covering of night...” is considered in the framework of the “Caucasian” cycle “Poems written during the journey (1829)”, taken also in both of its editions. The motivation has been put forward why over time

Pushkin abandons the Caucasus while depicting a light platonic feeling of love with projecting it on Georgia entirely.

Keywords: image of Georgia; the image of the Caucasus; Russian poetry; Russian poets; poetry; poetic consciousness; poetic images; geographical discourse.

Грузия и Кавказ – неотделимые друг от друга локусы, связанные между собой как территориально, так и ассоциативно, семантически. Входя в состав Российской империи, они, тем не менее, воспринимались в своей совокупности как противоположный и «чуждый» русскому человеку мир (в контексте оппозиции *Zanad – Vostok*). Однако в поэтическом сознании Пушкина присутствует осмысление Грузии и Кавказа как разнонаправленных в тематическом отношении локусов.

«На холмах Грузии...» едва ли не самое характерное в интересующем нас аспекте стихотворение. Анализируя его, В. Е. Холшевников писал: «место конкретизируется, широкое понятие “Кавказ” уточняется: Грузия, – и еще более сужается названием реки – Арагва» [Холшевников, 1985, с. 100]. Исследователь воплощает отношение Грузии к Кавказу как отношение части к целому. Мы же несколько конкретизируем это утверждение, комментируя это взаимодействие не как включение одного элемента в состав другого, а как сопоставление этих элементов при их равноправности.

Широко известна и черновая его редакция: «Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла». Уже из названия мы видим явную «подмену» локусов, соответственно, Пушкин уже тогда Грузию с Кавказом не отождествляет. Высказывались предположения, что это, главным образом, связано с предстоящей женитьбой на Наталье Гончаровой, и поэт просто не хотел напоминать о чувстве к другой женщине: «Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь» [Ш, с. 470]. Тем не менее, это может объяснять такое масштабное изменение лишь отчасти. Существует и точка зрения, что «мотивы этих изменений у Пушкина были чисто художественные» [Бонди, 1978, с. 23]. Однако мотивировки этих «художественных» замыслов так и остаются не до конца поясненными. Можно обратить внимание на первичный автограф

начальной строфы в сравнении с каноническим текстом стихотворения:

Все тихо – на Кавказ ночная тень легла
Мерцают звезды надо мною –

[Бонди, 1978, с. 25]

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.

[Ш, с. 112]

В черновике Пушкина в первом стихе «ночная тень легла» заменены сначала словами «сошла ночная мгла», а затем исправлено – «идет ночная мгла»; во втором вместо «мерцают» написано «восходят» [Бонди, 1978, с. 17]. В этом можно увидеть некую закономерность. Кавказ у Пушкина динамичен, а Грузия статична: *легла, сошла, идет – лежит; мерцают, восходят – шумит*; помимо динамики прослеживается и явная «вертикальность» Кавказа наряду с пространственной «горизонтальностью» Грузии: *надо мною – предо мною*; С. М. Бонди пишет о «Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла» как о «вполне законченной прекрасной вариации того же замысла» [Бонди, 1978, с. 25]; мы конкретизируем, что это не столько вариация одной и той же идеи, сколько ее эволюция.

Стихотворение «На холмах Грузии» печаталось с жанроопределяющим заглавием «Отрывок» [Бонди, 1978, с. 11], отсылающим нас к романтической парадигме художественности и ее стремлению к фрагментарности и незаконченности. Любопытным кажется рассмотрение произведения в рамках «кавказского» (Н. В. Измайлов) цикла «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)»: если в первой редакции от 1832 года это стихотворение еще было «отрывком», то в каноническом варианте оно такого заголовка не уже содержало.

Приведем составы двух этих редакций. Первая – в сборнике «Стихотворения Александра Пушкина. Третья часть» 1832 года имела следующий состав: I. Кавказ II. Обвал III. Монастырь на Казбеке IV. Делибаш V. «**На холмах Грузии...**» VI. Из Гафиза (лагерь при Евфрате) VII. Дон VIII. Олегов щит. Вторая редакция, спланированная поэтом в 1836 году, приобрела уже иной

вид: I. Дорожные жалобы II. Калмычке III. «**На холмах Грузии...**» IV. Монастырь на Казбеке V. Обвал VI. Кавказ VII. Из Гафиза (лагерь при Евфрате) VIII. Делибаш XIX. Дон.

В варианте лирического цикла 1832 года восемь стихотворений, поэтому с точки зрения структуры мы не можем обозначить одно центральное произведение. Однако поэтикой своего заглавия «На холмах Грузии...» выделяется сразу же: это единственное стихотворение, в котором реализована не «мужская», а «женская» номинация, противопоставляющая себе все остальные стихотворения в цикле.

Так Грузия противопоставляется двум полюсам. Сначала предстает «кавказский триптих», в котором, кстати говоря, идея «вертикальности» выражена очень четко. В «Монастыре на Казбеке» обнаруживается стремление лирического героя *вверх*: «Туда б, в заоблачную келью, / В соседство бога скрыться мне!» [Ш, с. 139]. В «Кавказе» же, напротив, положение героя кардинально меняется на противоположное – это уже взгляд *сверху вниз*: «Кавказ подо мною», «Здесь тучи смиренно идут подо мной» [Ш, с. 135]. Центральное же произведение триптиха («Обвал») показывает «вертикаль» в ее динамике: «Оттоль сорвался раз обвал, / И с тяжким грохотом упал» [Ш, с. 136]. Такой динамизм произведения подтверждается и контрастным чередованием ямбических строк с характерной мужской клаузулой. С другой стороны, «светлая печаль» Грузии противопоставляется «маленькой сатирической трилогии» (Ю. Тынянов), изображающей военные события: «Из Гафиза (Лагерь при Евфрате)», «Делибаш», «Олегов щит».

В контексте «Стихов, сочиненных во время путешествия (1829)» произведение уже в полной мере интегрируется в идейную структуру лирического цикла. «Отрывочность» ему уже не требуется, поскольку оно реализует свое значение посредством взаимодействия с рядом стоящими стихотворениями, образующими в своей совокупности «женский» триптих с характерными номинациями («Дорожные **жалобы**», «**Калмычке**», «**На холмах Грузии...**»). В этой триаде локус Грузии выделяется на фоне сначала родного края, а затем и «чужого» этнокультурного мира. В «Дорожных жалобах» речь косвенно идет о чувстве, как о явлении житейском, представляется патриархальный тип любви:

«О деревне, о невесте / На досуге помышлять» [III, с. 123]. В послании к восточной «красавице» - калмычке настроение лирического героя соответствует кратковременному флирту, а не любовному чувству:

Что нужды? – Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.

[III, с. 113]

Любовь «На холмах Грузии...» далека и от житейской реальности, и от восточной раскрепощенности. Это абсолютно безвозмездное чувство, которое может быть обусловлено внешними обстоятельствами лишь отчасти: «Печаль Пушкина светла, потому что сердце его не может перестать *гореть* и *любить*» [Франк, 1990, с. 481]. Выражение такого чувства на этом локусе не создает противоречий. Светлое переживание становится закономерным и вписывается в миросозерцательную картину Грузии. Открытое противопоставление этих локусов мы наблюдаем и в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года», поскольку лирический цикл связан с ним напрямую. Приведем характерную цитату: «Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен <...> Светлые долины, орошаемые веселой Арагвою, сменили мрачные ущелия и грозный Терек» [VI, с. 655-656].

В данной работе мы не ограничимся примерами, так или иначе связанными с лирическим циклом. Остановимся на одном из показательных примеров – известный пушкинский романс «Не пой, красавица, при мне...». Он был написан еще до «На холмах Грузии...», но в нем поэт уже выражал свою «светлую печаль»:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен *Грузии печальной* (курсив мой – Е. П.)

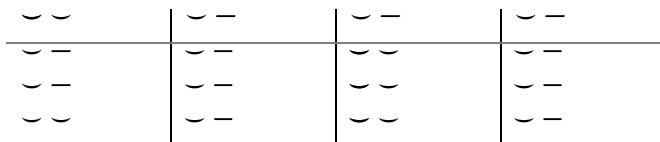
[III, с. 66]

Поэтому мы можем говорить о некоей интертекстуальной связи, так называемой филиации (от лат. *filius* – сын), т. е. преемственной «генетической» связи между стихотворениями

(в данном случае посредством мотива «светлой печали» и локуса Грузии). В романсе с течением времени также был произведен отказ от локуса Кавказа: в черновой редакции была вторая строфа. Приведем ее ниже, представив также ее метрическую составляющую:

Напоминают мне оне
 Кавказа гордые вершины,
 Лихих чеченцев на коне |
 И закубанские равнины

[III, с. 468]

Почему же Пушкин впоследствии от нее отказался? С формальной точки зрения это можно объяснить несовпадением ритмической структуры строфы и ритмического целого всего романса. Разберем отступления от четырехстопного ямба: в первой строке первая стопа дает пиррихий, вследствие чего эта строка является комбинацией пэона четвертого и собственно ямба. Вторая строка также имеет пиррихий, но уже в третьей стопе, поэтому комбинация «пэон четвертый + ямб» отражается в ней зеркально. Третья строка во второй половине имеет пэон четвертый. Четвертая строка дает пиррихии в первой и третьей стопах, образуя комбинацию из двух пэонов четвертых.

Андрей Белый подробно разбирал это стихотворение в его канонической редакции. Приведем характерную цитату из его наблюдений в отношении ритма к содержанию: «каждая строфа имеет тенденцию открываться спокойным образом; в третьих же строках ритмический порыв воображения <...>, четвертые строки дают аполлиническое видение образа воображения: ритмический порыв успокаивается» [Белый, 2010, с. 300].

Рассмотрим эти принципиальные закономерности в отношении интересующей нас «кавказской» строфы. Мы видим «ритмический порыв воображения» в первой строке («напоми-

нают»), а не в третьей. Причем «ликих чеченцев на коне» в третьем стихе вряд ли можно отнести к этой же категории, это скорее сам образ воображения. Но если для таких образов в романсе характерен спокойный темп, то тут мы видим, напротив, его ускорение. Черновая же строфа своей четвертой строкой не только не «успокаивается», но, напротив, проявляется в движении, в концентрации ускорения, обусловленного сочетанием двух пэонов четвертых.

Следовательно, такая строфа не просто не соответствует тематике «светлой печали». С точки зрения метрической организации она совершенно не подходит для стихотворения. Если в белом варианте «ритмический центр стихотворения – в душевном движении, а не в образах этого движения» [Белый, 2010, с. 300], то с добавлением второй строфы этот ритмический центр отчасти смещается: он уже не всецело в области душевных колебаний, а частично проецируется и на образную структуру.

Как и в двух редакциях «На холмах Грузии», в произведении можно проследить противопоставление «горизонтальности» и «вертикальности». Если в канонической редакции романса мы видим образы на плоскости – «берег», «степь», то в черновой строфе «равнины» соединяются с «вершинами». При отказе от строфы в тексте происходят и другие метаморфозы: примечательной кажется замена обращения в первой строке стихотворения (волшебница – красавица), сопровождающаяся добавлением нового катрена:

Не пой, *волшебница*, при мне
Ты песен Грузии печальной
[Ш, с. 468]

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь – и предо мной
Его я вновь воображаю.
[Ш, с. 66]

У романса есть прямая биографическая основа, отчасти подтверждающая посвящение его Анне Олениной: «Грибоедов

во время своих путешествий по Кавказу услышал и записал грузинскую песню. Во второй половине мая – до 6 июня 1828 г. Грибоедов в Петербурге сообщил эту мелодию Глинке. Глинка вскоре после этого играл ее у Олениных <...>, и Анна Алексеевна потом ее напевала [Цявловский, 1962, с. 389]. Образ «призрака милого, рокового» скорее всего принадлежит М. Н. Раевской: «Оленина и Раевская психологически сравнимы и о первой поэт мог сказать, что, увидев ее, он забывает вторую» [Цявловский, 1962, сноска к с. 386]. Возможно, что такие изменения в стихотворении были мотивированы важностью для поэта разграничения образов двух девушек: Раевская для него была связана с Кавказом, а Оленина – с Петербургом. В «Словаре языка А.С. Пушкина» слово «волшебница» приводится в двух значениях: 1. Чародейка, колдунья. 2. Чарующая, очаровательная женщина [Виноградов, 2000, с. 340]. Конкретно восточной стилизации оно за собой не закрепляет, поэтому отказ от «кавказской» строфы может быть мотивирован такой сменой обращения лишь отчасти. Добавление катрена уже в полной мере может объяснять такую перемену в стихотворении: буквальное выражение колорита локуса поэту не нужно, он может воплотить и облечь в поэтическую форму воспоминания о любви на Кавказе при проекции их на локус Грузии.

Кавказ у поэта – место военных коллизий, сопровождающиеся семантикой кровопролития и борьбы, которая в полной мере выражает идею антимилитаризма; это динамика действий и отнесенность неустойчивость. «Грузия печальная» для Пушкина является местом отдохновения и душевного спокойствия, на ее пространственную «горизонтальность» можно проецировать чувство «светлой печали», не вступая в образный конфликт с данным локусом.

Литература

Белый А. «Не пой, красавица, при мне...» А. С. Пушкина (Опыт описания) // Белый А. Собрание сочинений. Символизм. Книга статей / общ. ред. В. М. Пискунова. – М.: Культурная революция; Республика, 2010. – С. 294-315.

Бонди С. М. Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла // Бонди С. Черновики Пушкина. Статьи 1930-1970 гг. – М.: Просвещение, 1978. – С. 11-25.

Дюришин Д. Формы межлитературной рецепции // Теория сравнительного изучения литературы. – Москва: Прогресс, 1979. – 318 с.

Дарвин М. Н. Проблема цикла в изучении лирики: учеб. пособие. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1983. – 103 с.

Модзалевский Л. Б., Дондуа В. Д. Запись грузинской песни в архиве Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 297-301.

Пушкин А. С. Полное собр. соч.: в 10 т. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Римской цифрой в тексте указывается том, арабской – страница.

Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. – М., 1969. – 424 с.

Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. – М: Знак, 2007. – 536 с.

Франк С. Л. Светлая печаль // Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в. – М.: Книга, 1990. – С. 465-481.

Холшевников В. Е. «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» А. С. Пушкина // Анализ одного стихотворения. – Л., 1985 – С. 98-113.

Цявловский М. А. Автограф стихотворения «Не пой, волшебница, при мне...» // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 378-389.

Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. – 2-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000. – Т. 1. – 975 с.